

Сюй Ибая впервые так обнимал омега — да и вообще, честно говоря, никто в жизни еще не прижимал его к себе с такой нежностью.

Воздух наполнился упоительным ароматом абрикосового цвета — так пахли феромоны Шэнь Яо. Юноша всегда отличался удивительной чистотой: от его кожи никогда не пахло потом, а после танцев вокруг него всегда витал едва уловимый, нежный шлейф весеннего абрикоса.

Стоило сквозняку пронестись по комнате, как Сюй Ибай улавливал этот аромат, но никогда еще он не окутывал его столь плотно, как в это мгновение.

Сюй Ибай вспыхнул до кончиков ушей. Он не решался оттолкнуть Шэнь Яо, боясь, что тот и на ногах-то не держится, и лишь робко попытался разжать тонкие руки, обвившие его талию.

— Шэнь Яо... — запинаясь, выдавил он. — Пожалуйста,пусти меня.

Сюй Ибай повернул голову и встретился взглядом с Шэнь Яо — тот слегка склонил голову набок, глядя на него поразительно невинно. После нескольких секунд безмолвного зрительного контакта Шэнь Яо послушно опустил руки.

Приятное тепло, согревавшее спину, мгновенно исчезло, оставив после себя внезапную прохладу, к которой Сюй Ибай оказался не готов. Опустив взгляд, он увидел, что Шэнь Яо по-прежнему молча смотрит на него широко распахнутыми глазами, ожидая ответа.

Отказать или согласиться — Сюй Ибай понимал, что должен наконец определиться.

— Я... — нерешительно начал он.

Но слова застряли в горле: он вдруг осознал, что у него нет готового решения. Никогда еще он не испытывал подобного смятения — растерянный, совершенно беспомощный.

Сердце тревожно сжалось от страха ошибиться, сделать неверный выбор.

Впервые в жизни он малодушно решил пойти по пути наименьшего сопротивления — попросту сбежать. Отведя взгляд, Сюй Ибай сухо пробормотал:

— Ты же босиком. Иди на диван, подожди меня, а я принесу имбирный чай.

Заметив его неприкрытое смятение, Шэнь Яо спорить не стал. Он послушно развернулся и ушел, оставив Сюй Ибая наедине со своими мыслями в пустой кухне.

Имбирный чай обжигал через стенки чайника. Сюй Ибай достал из шкафчика две

керамические чашки и принялся неспешно переливать горячий напиток из одной в другую — и чтобы остудить его побыстрее, и чтобы выгадать еще немного времени.

Он делал это машинально, глядя перед собой отсутствующим взглядом и пытаясь навести порядок в мыслях. Когда буря в голове наконец улеглась, чай как раз остыл до приятной температуры.

Сюй Ибай взял чашки и направился в гостиную. Шэнь Яо сидел на диване, обхватив колени руками. Услышав шаги, он встрепнулся и мгновенно обернулся.

Наброшенное на его голову полотенце на секунду показалось Сюй Ибаю традиционным свадебным покрывалом невесты.

Он невольно запнулся на полушаге, но все же заставил себя подойти ближе и протянул чашку.

От чая все еще поднимался легкий полупрозрачный пар. Теплая дымка слегка размывала утонченные черты лица Шэнь Яо.

— Мы не можем встречаться? — сделав глоток, прямо спросил Шэнь Яо, не отводя от него пристального взгляда.

—... Не то чтобы не можем, — нерешительно отозвался Сюй Ибай.

Присев рядом — не слишком близко, но и не отсаживаясь на самый край дивана, — он мягко, терпеливо заговорил:

— Ты сегодня сам не свой. Я приехал за тобой, забрал к себе... Возможно, то, что ты сейчас принимаешь за влюбленность — лишь мимолетная вспышка. Не настоящие чувства, а просто потребность в защите, обычная привязанность.

У Сюй Ибая на кончике носа была крошечная родинка. Говоря это, он искренне и сосредоточенно смотрел Шэнь Яо прямо в глаза.

— У меня никогда не было отношений, поэтому мне нужно все хорошенько обдумать. И тебе тоже, — добавил он мягким, доверительным тоном. — Идет?

Шэнь Яо послушно кивнул. Весь этот вечер его взгляд был прикован только к Сюй Ибаю. Чуть прикусив губу от легкого волнения, он тихо произнес:

— Думай сколько нужно. А мне думать нечего.

В этих словах крылось предельно ясное признание: «Ты мне нравишься, и я в этом абсолютно уверен».

И пусть они официально еще не считались парой, после того дождливого дня между ними установилась хрупкая, волнующая недосказанность.

Особенно остро это чувствовалось в пустом хореографическом зале, когда они оставались наедине. Пальцы Сюй Ибая давно выучили клавиши до автоматизма — руки играли сами, подчиняясь мышечной памяти, пока сам он то и дело отвлекался, наблюдая за танцующим в центре зала Шэнь Яо.

Шэнь Яо обожал смотреть, как Сюй Ибай играет. Он часто подпирал щеку рукой, облокотившись на крышку рояля, и завороченно слушал другие мелодии.

Порой он присаживался рядом на банкетку и несмело касался клавиш так, как его учил Сюй Ибай. И если у него получалось извлечь гармоничный аккорд, он с детским восторгом улыбался, ожидая заслуженной похвалы.

Шэнь Яо без труда садился на идеальный шпагат, но все равно капризно требовал, чтобы Сюй Ибай помог ему с растяжкой и надавил на спину.

Когда Сюй Ибай послушно опускался на колени позади него, взгляд его случайно падал на огромное зеркало напротив. Увидев в отражении их двусмысленную, слишком интимную позу, он тут же смущенно отводил глаза.

Но стоило опустить взгляд, как перед ним оказывалась невероятно тонкая, гибкая талия омеги и изящные очертания лопаток, похожих на крылья. В такие минуты Сюй Ибаю казалось, что перед ним и впрямь трепещет хрупкая, прекрасная бабочка.

В день юбилейного концерта сцену украсили с особым размахом. Танец Шэнь Яо, символизирующий вехи развития их университета, рассказывал историю взросления маленького олененка.

Сценический костюм изумрудно-зеленого цвета напоминал о дне их первой встречи. На лицо Шэнь Яо нанесли искусный грим: нарисовали россыпь очаровательных веснушек и прикрепили ободок с аккуратными оленьими рожками.

Столкнувшись с ним за кулисами, Сюй Ибай впервые увидел Шэнь Яо при полном гриме. Не удержавшись, он легонько коснулся бутафорских рожек на его голове — они были сделаны на удивление искусно и на ощупь казались совсем как настоящие.

Шэнь Яо улыбнулся — сейчас он невероятно походил на доверчивого лесного олененка, случайно забредшего в мир людей.

— Ну как, красиво? — спросил он.

Сюй Ибай, не умеющий кривить душой, признался:

— Очень красиво.

В свои восемнадцать лет Сюй Ибай уже выступал в величайших концертных залах мира перед переполненным партером под ослепительным светом хрустальных люстр. Став первым китайским пианистом, удостоенным сольного концерта на столь престижной сцене, он снискал славу обладателя рук невероятной красоты, напоминающих ожившее произведение искусства. Под прицелом тысяч восторженных глаз его сердце всегда оставалось безмятежным, словно гладь застывшего озера.

Но сегодня, на этой скромной университетской сцене, бешеный прилив адреналина заставил его сердце колотиться так яростно, что Сюй Ибай впервые в жизни познал, что такое настоящее волнение.

Он без колебаний согласился остаться в тени, быть лишь скромным аккомпанементом. Когда занавес взмыл вверх, единственный луч прожектора выхватил из темноты Шэнь Яо.

Сюй Ибай, как и замерший в предвкушении зал, не мог оторвать взгляда от омеги, стоявшего в круге света.

Тот двигался грациозно, легко, почти невесомо — живое воплощение пугливого лесного олененка.

Выступление завершилось триумфом — зал взорвался оглушительными овациями. Стоя на сцене плечом к плечу с Шэнь Яо, Сюй Ибай краем глаза замечал блестящие конфетти, запутавшиеся в волосах омеги. Они искрились в свете софитов — точно так же, как сиял сам Шэнь Яо.

Раздевалки для альф и омег, разумеется, находились в разных крыльях. Едва занавес опустился, а сценический свет погас, Сюй Ибай склонился к самому уху Шэнь Яо и негромко шепнул:

— Ты ведь ничего не ел с утра. Я подожду тебя у выхода, поедим поужинаем.

Для ужина Сюй Ибай забронировал столик в ресторане на верхнем этаже роскошного отеля. Из панорамных окон просторного VIP-кабинета открывался захватывающий вид на сияющие огни мегаполиса.

На стеклянной столешнице красовалась изящная ваза с букетом роз необычного, ледяного сине-голубого оттенка. В полумраке мягко подрагивало пламя свечей, а воздух был наполнен

тонким, успокаивающим ароматом благовоний.

Шэнь Яо сидел напротив. Он уже успел смыть плотный сценический грим, и без косметики его утонченные черты казались еще нежнее и чище.

Изнурительный день забрал все силы, и Шэнь Яо действительно проголодался. Он ел аккуратно, но с заметным аппетитом, быстро управляясь с приборами. Сюй Ибай, не испытывавший особого голода, лениво перебирал палочками еду в своей тарелке, стараясь составить омеге ненавязчивую компанию.

Любопытно, что Сюй Ибай, всегда терпеть не любивший строгие костюмы, после выступления так и не сменил фрак на повседневную одежду. Он до сих пор сидел с безупречной осанкой, застегнутый на все пуговицы.

В дверь кабинета негромко постучали. Вошедшая официантка несла декантер с рубиновым вином; вместе с ней в приоткрытую дверь ворвались тихие переливы скрипки, игравшей в общем зале. Девушка потянулась было к бокалам, но Сюй Ибай мягким жестом остановил ее. Поставив бокалы и вино на стол, официантка бесшумно удалилась.

Сюй Ибай поднялся со своего места.

— Выпьешь немного вина? — спросил он.

Шэнь Яо промокнул губы салфеткой и с улыбкой показал один пальчик:

— Совсем чуть-чуть.

— Хорошо.

Сюй Ибай наклонился над столом. Крошечная родинка на кончике его носа оказалась совсем близко к лицу омеги. Шэнь Яо завороченно смотрел на нее.

Темно-красная жидкость полилась в бокал, напоминая струящийся шелк. Руки известного пианиста оставались идеально неподвижными — ни малейшего дрожания. Зная, что Шэнь Яо хмелеет с пол-оборота, Сюй Ибай сосредоточенно отмерял порцию, боясь налить лишнего.

Наполнив бокал, он выпрямился и тут же столкнулся с пронзительным взглядом глубоких темных глаз Шэнь Яо. Тот не улыбался, но в его глазах читалось нечто столь завораживающее, что у Сюй Ибая перехватило дыхание.

Кончики пальцев Сюй Ибая обожгло жаром, и он непроизвольно коснулся ремешка наручных часов, пытаясь справиться с внезапным волнением.

Они смотрели друг на друга — один сидел, другой стоял над ним в зыбком полумраке, прорезанном мягким пламенем свечей. Внезапно Шэнь Яо тихо рассмеялся и с легким лукавством спросил:

— Зачем ты привез меня сюда?

Горло Сюй Ибая судорожно сжалось от волнения. На этот раз краска не залила его лицо, но бешено бьющееся в груди сердце выдавало его с головой.

— Потому что я ухаживаю за тобой, — его голос прозвучал мягко и чисто, подобно безупречно сыгранному пассажи. — Ты мне нравишься. И именно поэтому мы здесь.

Изначально он хотел украсить стол веточками цветущего абрикоса — под стать феромонам омеги, но вовремя спохватился, посчитав подобный намек излишне вольным и даже бестактным.

У него не было опыта в ухаживаниях, он никогда ни с кем не встречался и потому не мог придумать ничего лучше этих банальных, на его взгляд, классических жестов.

— У меня мало достоинств. По сути, я умею только играть на рояле и очень боюсь показаться тебе скучным, — Сюй Ибай поджал губы и тихо продолжил: — Но я много думал об этом... и мне кажется, я смогу стать для тебя хорошим парнем.

Шэнь Яо осторожно потянул из вазы ледяную розу и, вдыхая ее едва уловимый аромат, с интересом прищурился:

— И что же в твоём понимании означает «хороший парень»?

— Отдавать Шэнь Яо все, что у меня есть, — без колебаний ответил Сюй Ибай. — И заботиться только о нём одном.

— Маловато, — Шэнь Яо протянул розу Сюй Ибаю, намеренно выдерживая паузу, чтобы насладиться его секундным замешательством и тенью разочарования на лице. С трудом сдерживая смех, он добавил: — Ты ещё должен любить Шэнь Яо больше всех на свете.

Подперев ладонью щеку, омега лучезарно улыбнулся:

— Сюй Ибай, у тебя есть уникальный шанс преподнести мне этот цветок.

Алкоголь вызывает привыкание, и хотя Сюй Ибай не сомневался в своей силе воли, ради безупречной формы рук он никогда не притрагивался к спиртному, делая исключение лишь для редких официальных приемов, где пригубливал вино из вежливости.

Но сегодня, переполненный внезапным счастьем, он осушил половину бокала. Сюй Ибай переживал, как бы не закружилась голова у Шэнь Яо, однако в итоге захмелел он сам.

Вызвав трезвого водителя, они устроились на заднем сиденье автомобиля. Новоиспеченные влюбленные сидели вплотную друг к другу, не разжимая переплетенных пальцев.

Сюй Ибай пьянел на удивление тихо: сознание оставалось относительно ясным, он не буянил и не шумел, а лишь завороченно поворачивал голову, буквально впившись взглядом в лицо Шэнь Яо.

В темном салоне машины, несмотря на близость, лица тонули в полумраке, превращаясь в нечеткие силуэты.

Вдруг Сюй Ибай негромко спросил:

— Яояо, можно мне тебя поцеловать?

Хмель стер последние барьеры, и Сюй Ибай наконец решился назвать омегу ласковым именем, которое давно вертелось у него на языке. Шэнь Яо на секунду растерялся, но тут же послушно приподнял подбородок.

Он приготовился к настоящему поцелую в губы, однако Сюй Ибай лишь бережно взял его лицо в ладони и робко прикоснулся губами к его щеке.

Это было до безумия, до дрожи невинно.

Шэнь Яо не сдержал тихого, ласкового смешка. Сюй Ибай вел себя предельно деликатно, не позволяя себе лишнего, но все же держал руку за его спиной, словно защищая от любой дорожной встряски.

Шэнь Яо расслабленно откинулся назад, уютно устроившись в его объятиях, и принялся перебирать длинные пальцы пианиста.

— Зачем тебе нужно было устраивать все эти ухаживания? Мог бы просто сказать, что мы теперь вместе.

— Так нельзя, — серьезно возразил Сюй Ибай. — Это было бы слишком небрежно, ты заслуживаешь лучшего. — И, прижавшись теснее, едва слышно забормотал: — Яояо, я ведь сочинил для тебя столько мелодий... Мечтаю сыграть их все, только для тебя.

Шэнь Яо вновь улыбнулся. Хмельной Сюй Ибай казался ему невероятно очаровательным в своей трогательной искренности.

Алкоголь постепенно забирал свое. Сюй Ибай сжимал объятия все крепче и крепче, уложив голову на плечо омеги и продолжая бессвязно шептать:

— Яояо... Я так сильно тебя люблю...

Для него было совершенно естественным потерять голову от Шэнь Яо. Тот был невероятно красив, полон неукротимой энергии, признавался в чувствах открыто, без тени ложного стыда, а на сцене буквально излучал сияние.

На самом деле Сюй Ибай полюбил его гораздо раньше, чем сам Шэнь Яо успел это осознать.

К счастью, легкое опьянение быстро сошло на нет. Когда автомобиль бесшумно затормозил у ворот жилого комплекса, где жил Шэнь Яо, Сюй Ибай уже полностью пришел в себя.

Он даже не заметил, как долго просидел, сжимая омегу в объятиях, пока не увидел, что тонкая ткань на талии Шэнь Яо сильно помялась.

Сюй Ибай смущенно поджал губы и, стараясь вернуть себе невозмутимый вид, тихо произнес:

— Спокойной ночи, Яояо.

Шэнь Яо не торопясь разглаживал пальцами складки на одежде. Игриво взглянув на него, он пропел:

— Доброй ночи, гэгэ.

Прежде он уважительно называл его «старшим», но теперь перешел на куда более интимное «гэгэ», с каждым разом сокращая дистанцию.

Сюй Ибай вдруг поймал себя на мысли, что Шэнь Яо почти никогда не зовет его по имени.

<http://bllate.org/book/18245/1748435>